

а обретает смысл как средство решения внутриличностных проблем, восстанавливая эмоционально рассогласованные внутриличностные когнитивные структуры. Этот внутриличностный смысл знания, определяющий приоритет знания — для — личности над знанием как таковым, показан психологическими теориями «когнитивного соответствия», в первую очередь теорией «когнитивного диссонанса» [18]. В результате действия, непосредственно обусловленные когнитивной целью, — потребностью в знании, нередко обнаруживают в своей основе эмоционально-личностный мотив.

Трехступенчатая структура действия, выражающая надстраивание социального уровня над психологическим, а когнитивного — над социальным, часто не соответствует структуре **текущего** действия, в которой исходные психологические и социальные причины остаются «за кадром»; когнитивные цели могут в свою очередь порождать вторичные психологические мотивы и т. д. Однако она, как правило, явно или скрыто представлена в процессе **порождения** действия, в чем проявляется более общая иерархическая структура: существование, во-первых, научного знания как продукта научной деятельности, во-вторых, научной деятельности как частного случая человеческой деятельности вообще.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
2. Ярошевский М. Г. Структура научной деятельности // *Вопр. философии*. 1974. № 11. С. 97—109.
3. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.
4. Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985.
5. Дышлевый П. С. Идеалы и нормы объяснения и описания как методологические предпосылки физического познания // *Идеалы и нормы научного исследования*. Минск, 1981. С. 241—259.
6. Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Идеалы объяснения и проблема взаимодействия наук // *Идеалы и нормы научного исследования*. Минск, 1981. С. 260—279.
7. Merton R. K. *On Theoretical Sociology*. N. Y., 1967.
8. Blissett M. *Politics in Science*. Boston, 1972.
9. Gilbert G. The transformation of research findings into scientific knowledge // *Social Studies of Science*. 1976. V. 6. P. 281—306.
10. Yearley S. The dictates of method and policy: Interpretational structures in the representation of scientific work // *Human studies*. 1988. V. 11. № 2/3. P. 341—359.
11. Lynch M. *Art and artefact in Laboratory science: A study of shop work and shop talk in a research laboratory*. L., 1985.
12. Гилберт Дж., Малкей М. *Открывая ящик Пандоры*. М., 1987.
13. *Современная западная социология науки*. М., 1988.
14. Мошкова Г. Ю., Юревич А. В. Психобиография — новое направление в изучении науки // *ВИЕТ*. 1989. № 3. С. 67—75.
15. Perry H. S. *Psychiatrist of America*. Massachusetts, 1982.
16. Manuel F. E. *A portrait of Isaak Newton*. Harvard, 1968.
17. Юревич А. В. Социальное восприятие ученых // *Рук. деп. в ИНИОН АН СССР*. М., 1988.
18. Festinger L. *A theory of cognitive dissonance*. Stanford, 1987.

А. В. КОЛЬЦОВ

ВЫБОРЫ В АКАДЕМИЮ НАУК СССР В 1929 г.

Конец 20-х — начало 30-х годов отмечены крупными преобразованиями в жизни Академии наук СССР. Был осуществлен ряд мероприятий по ее реорганизации. Необходимость перестройки вытекала из тех новых задач, которые тогда встали перед наукой. Процесс перестройки коснулся всех сторон деятельности Академии наук. Пересмотр и расширение сети академических учреждений, организация первых филиалов и баз, переход к планированию и коллективным формам исследований, создание аспирантуры, проведение выездных сессий — таковы некоторые из аспектов перестройки. Она была нацелена на повышение роли Академии наук как высшего научного учреждения СССР, главного центра фундаментальных исследований в стране.

Одним из главных направлений перестройки являлось обновление научных кадров, пополнение личного состава Академии наук.

В апреле 1928 г. в центральной печати было опубликовано сообщение «От Академии наук СССР», в котором говорилось о вакантных кафедрах: предстояло избрать 42 новых академика. В сообщении одновременно приводились выдержки из Устава АН СССР, касающиеся порядка выборов [1].

В соответствии с академическим Уставом, принятым в июне 1927 г., право выдвижения кандидатов в академики предоставлялось научным учреждениям, отдельным ученым и их группам, общественным организациям страны. Срок выдвижения ограничивался двумя месяцами со дня публикации об открывшейся вакансии. Затем список кандидатов подлежал публикации в печати с таким расчетом, чтобы научная общественность имела возможность высказать свое мнение о целесообразности или нецелесообразности избрания тех или иных кандидатов.

По истечении двух месяцев после публикации в газетах списка кандидатов президиум АН СССР должен был образовать выборные комиссии в составе как академиков, так и представителей научных учреждений союзных республик — по одному от каждой республики. Задача выборных комиссий заключалась в том, чтобы довести до сведения отделений АН СССР свои заключения о кандидатах, признанных ими достойными к избранию в академики. С учетом этих заключений в отделениях должна была производиться баллотировка кандидатов в академики путем тайного голосования. Избранные отделениями кандидаты в академики подлежали баллотировке на заседании Общего собрания АН СССР [2].

Предусмотренный Уставом 1927 г. порядок избрания новых академиков строился на основе принципов демократизации и широкой гласности.

В мае—июне 1928 г. в Академию наук буквально хлынул поток писем, те-

леграмм, постановлений ученых советов с предложениями об избрании новых академиков. Кандидатов в академики выдвигали вузы, отраслевые институты, научные общества, общественные организации, группы ученых и отдельные ученые. Не будет преувеличением сказать, что ни один крупный научный центр страны не остался в стороне от кампании по выдвижению кандидатов в академики.

О масштабах подготовки к выборам свидетельствуют следующие данные. Количество учреждений и групп ученых, выдвинувших кандидатов в академики, составляло 134. Численность же индивидуальных заявок с предложениями о кандидатах достигла 785. После 14 июня 1928 г., когда истек предусмотренный Уставом срок выдвижения кандидатов, Академия наук получила еще 18 представлений относительно избрания новых академиков [3].

29 июня 1928 г. непреходящий секретарь АН СССР академик С. Ф. Ольденбург направил в Отдел научных учреждений Совнаркома СССР список кандидатов в академики; в нем значились фамилии 201 ученого [4]. 21 июля 1928 г. газета «Известия» опубликовала этот список, и выборная кампания вступила в новый период — период обсуждения претендентов на звание академиков.

В июле—сентябре 1928 г. на страницах центральных и местных газет широко публиковались материалы о кандидатах в академики. Много документов о них направлялось в Академию наук. Выдвижение одних кандидатов в академики поддерживалось, других, наоборот, оспаривалось. В адрес ряда ученых высказывались критические замечания, порой весьма жесткие и несправедливые. Авторы некоторых отзывов доходили до того, что наклеивали нежелательным для них кандидатам политические ярлыки.

В ходе кампании по выборам новых академиков развернулось обсуждение проблем, касающихся общей направленности деятельности Академии наук. В газетах «Правда», «Известия», «Ленинградская правда», в журналах «Научный работник», «ВАРНИТСО» и других периодических изданиях помещались статьи о задачах Академии наук, ее роли и месте в системе исследовательских центров СССР. Авторы многих статей вносили ценные предложения, направленные на совершенствование работы Академии наук, укрепление ее связей с практикой народного хозяйства. Одновременно появлялись публикации, содержавшие несправедливые оценки деятельности Академии наук, отрицавшие ее руководящую роль в развитии советской науки. Такого рода нигилистическое отношение к Академии наук характерно было для выступлений некоторых руководителей ВАРНИТСО. Но не эти выступления определяли общий тон дискуссии о перспективах развития Академии наук, а голоса тех ученых, которые видели в ней высшее научное учреждение страны.

В октябре 1928 г. приступили к работе выборные комиссии. Председателями их были утверждены академики: В. И. Вернадский (Комиссия по геологическим наукам), А. Ф. Иоффе (по физическим наукам), В. Н. Ипатьев (по химическим наукам), В. Л. Комаров (по биологическим наукам), А. Н. Крылов (по математическим и философским наукам), Н. С. Курнаков (по техническим наукам), Н. Я. Марр (по языкам и литературе европейских народов) и С. Ф. Платонов (по социально-экономическим и историческим наукам). В качестве представителей союзных республик в состав комиссий входили В. П. Волгин, В. М. Игнатовский, П. М. Керженцев, И. К. Луппол, Л. К. Мартенс, В. П. Милютин, Ю. И. Озерский, Е. Б. Пашуканис, Ф. Н. Петров, С. М. Тер-Габриэлян и др.

Заседания выборных комиссий состоялись в период с 10 по 21 октября 1928 г. Кандидаты в академики подвергались всестороннему обсуждению, в ходе которого возникали дискуссии, порой весьма острые. Не все кандидаты прошли единогласно, многие из них были избраны большинством голосов. Показательно в этом отношении следующее замечание В. И. Вернадского: «В комиссии, при рассмотрении кандидатов на кафедру философских наук, я высказался против кандидатуры в академики А. М. Леборина. Трое академиков были того же мнения» [5, с. 67]. Свои соображения В. И. Вернадский обосновал

в специальной записке, доведенной до сведения академиков. Он отмечал, что «по отношению к А. М. Деборину вопрос может идти только по отношению к работам по истории философии» [5, с. 74].

Рекомендованные выборными комиссиями кандидаты в академики были подвергнуты баллотированию на заседаниях Отделения физико-математических наук и Отделения гуманитарных наук АН СССР, состоявшихся 5 и 12 декабря 1928 г. В результате тайного голосования отделения избрали академиками всех 42 кандидатов, рекомендованных выборными комиссиями. 24 кандидата были избраны академиками по Отделению физико-математических наук и 18 — по Отделению гуманитарных наук.

Среди избранных в академики были: математики С. Н. Бернштейн, И. М. Виноградов, Н. М. Крылов и Н. Н. Лузин; физики Л. И. Мандельштам и Д. С. Рождественский; химики А. Н. Бах, Н. Я. Демьянов, Н. Д. Зелинский, В. А. Кистяковский, А. Е. Фаворский и А. Е. Чичибабин; геологи А. Д. Архангельский, А. А. Борисяк, И. М. Губкин и В. А. Обручев; биологи Н. И. Вавилов, К. К. Гедройц, В. С. Гулевич, Д. К. Заболотный, Г. А. Надсон, М. А. Мензбир и Д. Н. Прянишников; специалисты в области технических наук Г. М. Кржижановский, В. Ф. Миткевич и С. А. Чаплыгин; партийный и государственный деятель, ученый-обществовед Н. И. Бухарин; историки М. С. Грушевский, Н. М. Лукин, М. К. Любавский, Д. М. Петрушевский, М. Н. Покровский и Д. Б. Рязанов; философ А. М. Деборин; экономисты П. П. Маслов и С. И. Солнцев; востоковеды В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов и А. Н. Самойлович; филологи и литературоведы М. М. Покровский, П. Н. Сакулин и В. М. Фриче¹.

Простое перечисление этих имен свидетельствует о том, что Академия наук пополняла свой личный состав многими выдающимися исследователями. В списке кандидатов в академики, получивших одобрение отделений, мы видим восемь ученых-коммунистов: Н. И. Бухарина, И. М. Губкина, А. М. Деборина, Г. М. Кржижановского, Н. М. Лукина, М. Н. Покровского, Д. Б. Рязанова и В. М. Фриче.

Заключительный акт выборов — тайное голосование на заседании Общего собрания АН СССР — состоялся 12 января 1929 г. Из 39 академиков, живших в Москве и Ленинграде, на заседании присутствовали 30. Отсутствовали девять академиков: А. А. Белопольский, В. П. Бузескул, В. И. Вернадский, В. М. Истрин, Н. К. Никольский, А. П. Павлов, И. П. Павлов, М. Н. Розанов и А. И. Соболевский.

В результате тайного голосования Общее собрание избрало в академики из рекомендованных отделениями 42 кандидатов 39 ученых. Три кандидата, а именно философ А. М. Деборин, историк Н. М. Лукин и литературовед В. М. Фриче, как не получившие при голосовании предусмотренных Уставом двух третей голосов, не были избраны.

То, что три ученых-коммуниста оказались забаллотированными, вызвало большую обеспокоенность президиума АН СССР. 12 января 1929 г., сразу же после завершения выборов, С. Ф. Ольденбург писал акад. В. Л. Комарову: «В связи с результатами сегодняшнего заседания интересы Академии настоятельно потребовали от Президиума сейчас же принять некоторые меры. По обсуждению дела было признано необходимым внести в ближайшее Общее собрание вопрос о необходимости войти в Совнарком с тем, чтобы выборы трех лиц, не получивших сегодня двух третей, ввиду почти единогласного избрания их в отделениях, были вновь проведены в Общем собрании нового состава без повторения длительной предварительной процедуры (публикация, выборные комиссии и пр.). Это, по-видимому, единственно возможное сейчас решение» [6]. Отвечая С. Ф. Ольденбургу, 12 января 1929 г. В. Л. Комаров писал: «Ясно, что

¹ Эти данные приводятся на основании протоколов заседаний отделений АН СССР за 1928 г. и Отчета о деятельности АН СССР за 1929 г. (Л., 1930).

принятое Вами решение есть единственное целесообразное решение, какое можно было принять. Я вполне присоединяюсь к нему» [7, л. 46].

Насколько оперативно действовал президиум АН СССР, говорит тот факт, что его заседание, посвященное итогам выборов, состоялось в тот же день, что и выборы, т. е. 12 января 1929 г. Председательствовал на заседании президент АН СССР акад. А. П. Карпинский, присутствовали академики А. Ф. Иоффе, И. Ю. Крачковский, А. Н. Крылов, С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман. Постановление президиума готовилось тщательно. Его проект составил А. Н. Крылов [7, л. 419]. На сохранившемся в архиве протоколе заседания президиума имеется правка, сделанная А. Е. Ферсманом. В постановлении указывалось: «1. Кандидатов в числе 39, получивших требуемые Уставом Академии наук СССР с сего числа. 2. В отношении трех лиц, получивших абсолютное большинство, но не получивших требуемого Уставом большинства в две трети, в отделении же избранных единогласно, не объявляя соответствующие кафедры вакантными, предложить их кандидатуры Общему собранию в новом составе Академии, не повторяя всей процедуры выборов, о чем и войти с представлением через ближайшее Общее собрание в СНК СССР» [8, л. 2].

15 января 1929 г. в печати было опубликовано сообщение «От Президиума Академии наук СССР», подписанное академиками А. Ф. Иоффе, В. Л. Комаровым, И. Ю. Крачковским, А. Н. Крыловым, Н. С. Курнаковым, Н. Я. Марром, С. Ф. Ольденбургом, С. Ф. Платоновым, Е. В. Тарле и А. Е. Ферсманом. Текст сообщения составил С. Ф. Ольденбург [7, л. 417—419]. «Выборы в Академию новых членов окончились,— говорилось в сообщении.— Перед Академией открываются во многих отношениях новые пути, особенно ввиду того, что в нее вошли экономисты, социологи и техники. Вошел ряд авторитетных представителей диалектического материализма» [9]. Далее президиум АН СССР информировал об итогах выборов. Неизбрание трех кандидатов в академики оценивалось как «странная, правильное сказать, непонятная в выборах в Академии наук неувязка... между положительными выборами в отделениях и недостаточным числом голосов, полученных в Общем собрании» [9]. В сообщении полностью приводился текст постановления президиума АН СССР относительно повторных выборов.

Постановление президиума от 12 января обсуждалось на экстраординарном заседании Общего собрания АН СССР, состоявшемся 17 января 1929 г. На заседании присутствовал 41 академик; среди них были и академики, избранные 12 января 1929 г. С. Ф. Ольденбург доложил Общему собранию принятое президиумом постановление с предложением о повторных выборах А. М. Деборина, Н. М. Лукина и В. М. Фриче. При обсуждении доклада С. Ф. Ольденбурга развернулась острая дискуссия. Акад. И. П. Павлов выступил против этого предложения, мотивируя свою позицию тем, что выборы проходили в соответствии с Уставом. С И. П. Павловым солидаризировались академики И. П. Бородин, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг и Д. М. Петрушевский, заявившие, что предложение президиума противоречило Уставу и не вызывалось необходимостью. Их поддержал акад. С. Ф. Платонов. Акад. А. Д. Архангельский высказался за пересмотр Устава АН СССР. Академики Я. В. Успенский и А. Е. Чичибабин внесли предложение о проведении повторной баллотировки трех кандидатур в Отделении гуманитарных наук, чтобы дать ему возможность еще раз вывить свое отношение к результатам выборов. Выступивший в прениях акад. Б. М. Ляпунов сказал, что Отделение гуманитарных наук оставалось при своем первоначальном мнении относительно результатов выборов и не могло отвечать за итоги голосования на заседании Общего собрания.

Предложение президиума было принято Общим собранием подавляющим большинством голосов: его поддержали 28 академиков. Девять академиков (И. П. Бородин, Б. Я. Владимирцов, Е. Ф. Карский, П. А. Лавров, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Б. М. Ляпунов, И. П. Павлов, Д. М. Петрушевский и П. Н. Са-

кулин) голосовали против, четыре академика воздержались от участия в голосовании. В постановлении Общего собрания указывалось: «Одобрить предложение Президиума, уполномочив его на представление соответствующего ходатайства в СНК СССР» [10, л. 4; 11].

В тот же день, когда состоялось экстраординарное заседание Общего собрания, С. Ф. Ольденбург направил в Совнарком СССР письмо, в котором анализировались итоги выборов. В конце письма содержалась просьба — разрешить в виде исключения провести новые выборы А. М. Деборина, Н. М. Лукина и В. М. Фриче без повторения предусмотренной Уставом АН СССР процедуры [12, л. 12—13].

Возникает вопрос: почему руководство Академии наук в лице ее президиума было столь сильно обеспокоено неизбранием трех ученых-коммунистов? Какими соображениями руководствовался президиум АН СССР, предпринимая энергичные меры для того, чтобы в срочном порядке провести повторные выборы забаллотированных кандидатов? Ведь выборы проводились при активном участии научной общественности страны, и все требования академического Устава, касающиеся выборной процедуры, пунктуально соблюдались. А среди новых академиков находились пять ученых-коммунистов. Ответ может быть только один: руководство Академии наук опасалось, что избрание трех ученых-коммунистов может быть квалифицировано как политическая акция старых ученых по отношению к партии и государству. Оно опасалось также нападок на Академию наук и ее ученых, требований о коренной реорганизации, а то и вовсе ликвидации академии. Последующие события показали, что эти опасения не были беспочвенными.

После публикации в газетах сообщения об итогах выборов, информации о заседании экстраординарного Общего собрания, состоявшегося 17 января 1929 г., в печати появились отклики, посвященные деятельности Академии наук.

Подвергнув критике Академию наук, автор одной из статей, опубликованной в «Правде», писал: «И наконец, необходимо спросить себя: не прошло ли вообще время академий? Нецелесообразно ли сосредоточить всю научную работу в институтах, объединяемых в ассоциации?» [13]. Как будет сказано ниже, подобная точка зрения поддерживалась тогда и некоторыми учеными.

Наибольший резонанс среди научной общественности получили статьи члена Коммунистической академии Ю. Ларина «Академики и политика» и наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского «„Неувязка“ в Академии наук». Авторы обеих статей высказывали в адрес Академии наук резкие критические замечания, порой перераставшие в обвинения.

В статье Ю. Ларина содержались предложения, направленные на коренной пересмотр ряда положений Устава АН СССР. В частности, автор статьи предлагал периодически пересматривать состав академиков, а к непосредственному участию в выборах новых академиков привлекать ученых всей страны [14].

А. В. Луначарский вынес в заголовок своей статьи слово «неувязка», взятое им из приведенного выше сообщения «От Президиума АН СССР» (15 января 1929 г.). Яркая по форме статья А. В. Луначарского несправедлива по отношению к Академии наук. Автор не избежал высказываний, мягко говоря, оскорбительных для ученых.

Луначарский был несправедлив и тогда, когда он утверждал, что «Академия наук — наиболее консервативная часть нашего культурного мира», и тогда, когда делал вывод о том, что «почтенные сановники от науки захотели поиграть с огнем» [15].

«Втирать очки советской общественности, устроить под шумок под прикрытием тайного голосования скандалчик, пойти на 9/10 навстречу советской общественности и на одну десятую отвести душу, огрызнувшись, — вот какова была, несомненно, политическая оппозиционная мысль некоторой, весьма зна-

чительной части академиков», — писал Луначарский [15]. Если бы под статьей не стояла его подпись, невозможно было бы поверить, что приведенные слова принадлежали одному из видных деятелей партии и государства, крупнейшему представителю советской культуры.

Известна роль Луначарского в организации советской науки, в привлечении старых ученых к участию в строительстве нового общества. Под его непосредственным руководством в первые месяцы после победы Октября велись переговоры Наркомпроса с Академией наук о ее работе на благо революционного народа. Луначарский лично знал и высоко ценил многих академиков. Он пользовался большим авторитетом в академических кругах.

В своих статьях, посвященных 200-летию Академии наук, Луначарский ярко рассказал о бережном отношении В. И. Ленина к академии. Он напомнил тогда ленинское предостережение Наркомпросу о том, «чтобы кто-нибудь не „озорничал“ вокруг академии» [16, с. 110]. По свидетельству Луначарского, «Наркомпрос имел прямые директивы В. И. Ленина: относиться к Академии бережно и осторожно и лишь постепенно, не рняя ее органов, ввести ее более прочно и органично в новое коммунистическое русло» [17]. Приведенные высказывания относятся к 1925 г. По своему содержанию близки к ним и те суждения Луначарского о перспективах развития Академии наук, которые он высказал спустя почти 3 года. В июле 1928 г. в беседе с корреспондентом газеты «Киевский пролетарий» Луначарский, касаясь выборов в академию, говорил: «Еще Ленин, предупреждая меня о необходимости осторожного отношения к Академии наук, сказал: „Придет время, когда естественно будет подумать о ее реформе...“» [18]. Обосновывая необходимость реформы, в первую очередь обновления личного состава АН СССР, Луначарский подчеркивал: «Ряд корифеев научной мысли — академики Ольденбург, Марр, Щербатской, Курнаков, Ферсман — огромное большинство академиков относятся к этой реформе вполне положительно и признают ее целесообразной» [18]. Беседа Луначарского свидетельствовала о его уважении к ученым, признании ведущей роли Академии наук в организации науки в стране.

Если сопоставить статью Луначарского «„Неувязка“ в Академии наук» с его прежними публикациями, невозможно уклониться от ответа на вопрос: почему один из самых высокообразованных деятелей партии и государства, деликатнейший человек Луначарский, игнорируя свои прежние высказывания, столь круто изменил оценку деятельности Академии наук? Конечно, легче всего встать на путь критики Луначарского, говорить о его непоследовательности. Думается, однако, что такой подход не будет правильным. Хотя прямых доказательств этому нет, поскольку не обнаружены пока соответствующие документы, можно предполагать, что на Луначарского было оказано жесткое давление со стороны высшего руководства партии и государства, которому Анатолий Васильевич не смог противостоять. Следует отметить, что в последние годы Луначарский высоко оценивал деятельность Академии наук и, возглавляя с сентября 1929 г. Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР (Ученый комитет), оказывал ей большую помощь. Нельзя обойти молчанием тот факт, что руководители Академии наук неизменно с теплотой отзывались о Луначарском как государственном деятеле, ученом и человеке. Красноречивым подтверждением этого стало его избрание в академики, состоявшееся 1 февраля 1930 г.

Среди материалов, опубликованных в печати в связи с выборами новых академиков, выделялась беседа управляющего делами Совнаркома СССР Н. П. Горбунова с сотрудником Российского телеграфного агентства [19]. Беседа была выдержана в спокойном тоне и содержала конструктивные предложения о перспективах развития АН СССР. «Для Академии наук, — говорил Н. П. Горбунов, — есть два пути. Выбор этих двух путей зависит главным образом от самой Академии» [19]. Горбунов сформулировал принципиальное отличие их друг от друга. Он отмечал: «Первый путь — ведущая роль (Акаде-

мии наук. — А. К.) во всей научной работе в стране, превращение в крупную ассоциацию главнейших научных учреждений, в которых должна производиться основная научная, теоретическая и прикладная работа, являющаяся базой для дальнейшего социалистического строительства. Реформированная Академия наук из Академии полуфеодальной — отживающего типа — должна превратиться в Академию советскую, которая от старой Академии преемственно должна взять все ее огромные научные богатства, но ни в коем случае ее старые традиции, приобретенные не без благосклонного участия царского правительства. Второй путь — сохранение старого отживающего типа Академии, постепенное самоумирание, изоляция от советской общественности. Выбор этих путей в значительной степени зависит от самих академиков» [19; 20, с. 191].

Конечно, вряд ли ученые могли согласиться с суждением Горбунова об Академии наук как учреждении «полуфеодальном», «отживающего типа». Но академиком импонировала его мысль о том, что определение путей дальнейшего развития Академии наук зависит в первую очередь от нее самой. Высказанную управляющим делами Совнаркома СССР уверенность в способности самих ученых решать судьбу Академии наук следует оценивать как моральную поддержку ее руководства, в адрес которого раздавалась тогда острая критика.

На состоявшемся 2 февраля 1929 г. общем собрании действительных членов, научных сотрудников и аспирантов Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) обсуждались итоги выборов в Академию наук. В принятой собранием резолюции указывалось: «Академия наук открыто показывает, что в ее среде имеются еще такие ученые, которые используют свое научное звание для политических выступлений против диктатуры пролетариата» [12, л. 24]. В резолюции выражалось возмущение тем, что некоторые из новых академиков (Д. М. Петрушевский, П. Н. Сакулин), являвшиеся действительными членами РАНИОН, не соглашались с предложениями о необходимости повторного избрания в Академию наук А. М. Деборина, Н. М. Лукина и В. М. Фриче. Вносились рекомендации о пересмотре Устава Академии наук и ее реорганизации [12, л. 24; 19].

За реорганизацию Академии наук в начале февраля 1929 г. высказались сотрудник Института красной профессуры [19]. Итоги выборов рассматривало также собрание научных работников 1-го Московского университета, проходившее 4 февраля 1929 г. Среди выступивших на собрании были академики А. Н. Бах и Д. Б. Рязанов. А. Н. Бах, в частности, сказал: «Академия должна быть реорганизована. Ее работа должна планироваться в соответствии с общим планом нашего хозяйства. Я лично против резкой ломки. Реформы нужны, реформы, которые сблизили бы жизнь Академии с жизнью всей научной массы Союза, всей общественности» [15]. В резолюции собрания говорилось о необходимости перестройки Академии наук.

5 февраля 1929 г. в газете «Правда» была дана подборка материалов под рубрикой «Академия наук должна быть реорганизована». Здесь приводилась информация о негативном отношении к итогам выборов со стороны научных работников 2-го Московского университета, Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова и членов ВАРНИТСО. В тот же день в газете «Известия» сообщалось о заседании пленума Московского бюро Секции научных работников, обсуждавшего итоги выборов. Выступая на этом заседании, начальник Главнауки Наркомпроса РСФСР Ф. Н. Петров говорил: «Академия наук находится сейчас в состоянии кризиса... Необходимо, чтобы она вошла в схему нашей научно-исследовательской работы» [15]. Следует отметить, что высказывание одного из видных организаторов советской науки о якобы кризисном состоянии академии было явно несправедливым.

10 февраля 1929 г. газета «Известия» опубликовала обращение членов Ленинградского отделения Секции научных работников с предложениями о реорганизации Академии наук.

В феврале 1929 г. в Академию наук поступили резолюции, принятые 4-м краевым съездом работников просвещения Северного Кавказа, собранием членов Вятской секции научных работников, научной ассоциацией Урало-Сибирского коммунистического университета, профессиональным союзом работников медико-санитарного дела Татарской АССР и другими организациями. Все эти документы были посвящены итогам выборов в Академию наук. И хотя документы готовились в различных регионах страны, они очень походили друг на друга, поскольку в основе их лежала единая мысль, а именно выражалось возмущение неизбранием в академики А. М. Деборина, Н. М. Лукина и В. М. Фриче. Авторы одного из документов не пощадили даже великого физиолога И. П. Павлова, расценив его несогласие с решением президиума АН СССР о проведении повторного голосования как «вызов и акт неуважения к научным работникам страны» [12, л. 64]. Конечно, в упомянутых документах содержались и здравые предложения, направленные на совершенствование организации работы Академии наук [12, л. 22, 29, 50, 63—64].

С. Ф. Ольденбург, изучавший документы, связанные с итогами выборов, 10 февраля 1929 г. писал в газете «Известия»: «Атмосфера вокруг Академии сгустилась». Он подчеркивал, что нельзя отрицать заслуг Академии наук, а в процессе критики часто «перегибают палку». Не отрицая значения критики, Ольденбург отмечал: «Пусть это будет критика деловая с указанием конкретных промахов и средств к изжитию их» [21].

В обсуждении итогов выборов активно участвовали академики, в том числе и те, которые вошли в ее состав 12 января 1929 г. О позиции академиков относительно результатов выборов можно судить на основании как архивных документов, так и выступлений ученых в печати.

Наиболее резкую, непримиримую позицию занимал акад. Д. Б. Рязанов. Приведем выдержки из его письма Ольденбургу от 15 января 1929 г.²: «Ваше письмо, в котором Вы любезно приветствуете мое вступление в Академию наук, получено мною одновременно с сообщением от Президиума Академии. Достаточно прочитать последнее, чтобы спросить себя: а стоило и нужно ли вступать в Академию? То, что Вы и Ваши коллеги мягко называете „странною, правильное сказать, непонятною в выборах Академии неувязкой для всех кандидатов между положительными выборами в отделениях и недостаточным числом голосов, полученных в Общем собрании“, свидетельствует о таких „нравах“, которые способны подорвать всякое уважение к Академии. Одно из двух. Или члены Отделения физико-математических наук совершенно не считаются с Отделением гуманитарных наук и, несмотря на „положительные выборы“ в ОГН, подкладывают „черняки“, чтобы поиздеваться над своими коллегами, или члены Отделения гуманитарных наук, только что единогласно избравшие определенных кандидатов в академики, пользуются тем, что порядок выборов на Общем собрании дает возможность сыграть в „темную“ и с озорством, которому мог бы позавидовать оголтелый дворянин времен Николая Палкина, подменивают белые шары черными. Мы никогда не узнаем, какое из этих предположений больше соответствует печальной действительности, но не подлежит никакому сомнению, что не Советской властью создано „столь ненормальное положение“, о котором говорится в письме Президиума. Это предательский удар в спину новой преобразованной Академии, направленный руками старых академиков» [22, л. 4].

Анализируя итоги выборов, автор письма не стеснялся в выражениях, допуская грубые выпады по отношению к академикам. По своему тону письмо близко к обвинительному заключению в адрес ученых, осуществлявших предоставленное им Уставом право тайного голосования при избрании кандидатов в академики.

² Копию письма Д. Б. Рязанов направил председателю Совнаркома СССР А. И. Рыкову, академиком С. Ф. Платонову и Е. В. Тарле.

Не ограничившись столь безапелляционной оценкой итогов выборов, Рязанов высказал свое мнение и об Академии наук в целом. «Время академий прошло; они отжили свой век, — писал он. — Наша эпоха — эпоха научно-исследовательских институтов. Научные учреждения не только в области естественных, но и гуманитарных наук должны стать лабораториями, где ведут подлинную коллективную исследовательскую работу, а не занимаются, как выразился генеральный секретарь одной из крупнейших ассоциаций научно-исследовательских институтов в мире, Akademisch Gespräch, т. е., в переводе на русский язык, академической болтовней. Наша Академия с ее замкнутым составом в 40 академиков не представляет счастливого исключения... Будущее принадлежит не Академии с ее современным составом, а той всесоюзной ассоциации научно-исследовательских институтов, которая должна еще быть организована и в которую войдет Академия, поскольку ей удастся стать действительно научно-исследовательским центром в области естественных и гуманитарных наук» [22, л. 4].

Время показало, что, отрицая значение академии как одной из наиболее эффективных форм организации исследований, Рязанов был неправ. Ошибался он и тогда, когда противопоставлял академию научно-исследовательским институтам.

Заканчивалось письмо Рязанова следующими словами: «Вы говорили мне, многоуважаемый Сергей Федорович, что мои опасения страдают излишним пессимизмом. Но кто из нас мог ожидать, что старая Академия наук в торжественный день своего действительного превращения во Всесоюзную Академию наук, в Академию наук Союза Советских Социалистических Республик, состроит такую отвратительную гримасу всей советской общественности. Можно ли надеяться, что новое Общее собрание позаботится, чтобы работа двух основных отделений Академии наук была гарантирована от новой „странной неувязки“, чтобы созданы были нормальные условия для общей работы новых и старых академиков на пользу культурно-экономического строительства Союза ССР? Поживем — увидим» [22, л. 5].

Приведенное письмо Рязанова — крайнее выражение негативного отношения к Академии наук. Никто из критиков академии не обрушивал на нее такого града несправедливых упреков, никто не видел ее будущего в столь мрачном свете, как автор этого письма. И вполне оправданы были упомянутые в письме слова Ольденбурга о том, что опасения Рязанова страдали «излишним пессимизмом».

В конце января — начале февраля 1929 г. газета «Известия» регулярно публиковала интервью с академиками об итогах выборов. В этих интервью ученые высказывали свои соображения о предложениях, содержащихся в статье Ю. Ларина «Академики и политика» и других публикациях.

В своих интервью многие академики категорически возражали против появившихся в печати утверждений о том, что избрание трех ученых-коммунистов являлось якобы политической демонстрацией со стороны отдельной части старых ученых, отражало их стремление противопоставить себя советской общественности.

Акад. А. Н. Крылов отмечал: «Раньше всего, о намеренном якобы провале коммунистов. Я считаю, что здесь была лишь случайность, так как, помимо трех человек, не получивших достаточного количества голосов, остальные кандидаты, прошедшие уже в отделениях, в Академию избраны» [23]. Аналогичную точку зрения высказывал акад. Н. С. Курнаков. «Я считаю, что авторитет Академии наук последними выборами несколько не подорван, — подчеркивал он. — Три кандидата не получили только достаточного количества голосов. А по существу они имеют абсолютное большинство голосов, и, таким образом, Академия наук, как это показало и дальнейшее, считается и очень считается с мнением широкой научной общественности страны... В практике нам приходится работать с коммунистами. Мы с ними работаем и никогда не расходим-

ся, так как и наша, и их работа направлена на пользу всей страны и народных масс» [24]. По мнению акад. А. Ф. Иоффе, «голосование академиков на Общем собрании ни в коем случае не было политической демонстрацией» [23]. Отрицая какую-либо «неувязку» в выборах и отмечая, что было лишь избрание трех кандидатов, акад. В. М. Истрин говорил: «Ученые вовсе не оскорбили рабочий класс тем, что отвергли кандидатуры в академики, не имеющие достаточного научного значения» [24]. Академик С. П. Костычев отмечал, что не следовало квалифицировать избрание трех кандидатов как политическую демонстрацию. Такой же точки зрения придерживался акад. Г. А. Надсон [25].

Представление о том, как академики оценивали итоги выборов, можно получить на основании следующих данных. 35 академиков признавали «неувязку» в баллотировке трех кандидатов, 19 академиков отрицали эту «неувязку» или не придавали ей значения. 18 академиков в момент опроса еще не определили своего отношения к итогам выборов, семь академиков не были опрошены [12, л. 45—46].

В числе академиков, признававших «неувязку» в выборах, был С. А. Жебелев. По его мнению, «положение сложилось явно ненормальное» [26]. Академик С. Ф. Платонов считал «неувязку» в выборах непонятной. «Расхождение результатов баллотировки в Общем собрании и в Отделении гуманитарных наук для меня неясно, — писал он. — Все существующие по этому поводу толкования я считаю голословными утверждениями» [26]. Акад. Я. В. Успенский оценивал результаты выборов как «странные», «совершенно непредвиденные». «Удовлетворительного объяснения расхождению голосования Общего собрания с голосованием отделения я сам не нахожу», — писал он [26]. Н. П. Лихачев отмечал, что «произошло нечто неожиданное и неопределенное». По его словам, «явление, когда решение специалистов отменяется головами неспециалистов, не может считаться вполне нормальным» [11].

Отрицали «неувязку» в выборах или не придавали ей значения академики В. М. Алексеев, В. В. Бартольд, И. П. Бородин, В. И. Вернадский, И. М. Виноградов, Б. Я. Владимирцов, В. С. Гулевич, П. К. Коковцов, П. А. Лавров, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, М. К. Любавский, Б. М. Ляпунов, М. А. Мензбир, Н. К. Никольский, И. П. Павлов, В. Н. Перетц, П. Н. Сакулин, М. Н. Сперанский и Ф. И. Щербатской [12, л. 45]. «Я не принадлежу к числу тех, которые были поражены результатами выборов. Ничего необычного не произошло», — отмечал акад. И. П. Бородин [27]. По его мнению, то обстоятельство, что из 42 кандидатов трое не получили формального большинства голосов, беды не составляло. В этих словах отражалась точка зрения тех академиков, которые отрицали «неувязку» в выборах.

Озабоченность итогами выборов проявил вновь избранный акад. Д. К. Заболотный. 4 февраля 1929 г. он направил письмо С. Ф. Ольденбургу, в котором благодарил Академию наук за избрание и кратко информировал о планах своей работы в области патологии, микробиологии и эпидемиологии. Касаясь итогов выборов, Д. К. Заболотный писал: «Ввиду расхождений на Общем собрании, не правильнее ли назначить перевыборы по отношению ко всем академикам?» [28]. Разумеется, это предложение не встретило поддержки.

Анализ высказываний академиков, связанных с итогами выборов, убеждает в том, что, защищая честь и достоинство Академии наук от нападок и обвинений, они не обходили молчанием и недочеты в ее деятельности. Ученые вносили предложения, направленные на повышение ее роли в системе научных учреждений СССР, обновление ее личного состава, укрепление сети институтов и лабораторий, совершенствование планирования и координации исследований, дальнейшее развитие материальной базы науки. В высказываниях многих академиков проводилась мысль о необходимости всемерного роста фундаментальных исследований, их органического сочетания с прикладными работами.

В выступлениях многих академиков затрагивались вопросы, поднятые

в упомянутой выше статье Ю. Ларина. Преобладающее большинство их высказало отрицательное отношение к предложениям автора статьи о периодическом пересмотре состава академиков и о привлечении ученых всей страны к непосредственному участию в выборах.

2 февраля 1929 г. С. Ф. Ольденбург докладывал президиуму АН СССР телеграмму Отдела научных учреждений и поступившую из Управления делами Совнаркома СССР информацию относительно созыва заседания Совнаркома СССР для обсуждения ходатайства АН СССР о проведении выборов трех кандидатов в академики. На это заседание приглашались члены президиума АН СССР и председатели выборных комиссий [8, л. 11].

Заседание Совнаркома СССР состоялось 5 февраля 1929 г. Вел его председатель Совнаркома СССР А. И. Рыков. В числе присутствовавших были партийные и государственные деятели В. В. Куйбышев, Г. М. Кржижановский, М. М. Литвинов, В. П. Милютин, Г. И. Петровский. Д. Б. Рязанов и др. Академию наук на нем представляли А. Ф. Иоффе, А. Н. Крылов, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург и С. Ф. Платонов.

Первым на заседании выступил С. Ф. Ольденбург, который обосновал ходатайство Академии наук о необходимости повторного избрания трех кандидатов в академики. Затем слово взял Г. М. Кржижановский, выразивший несогласие с утверждением С. Ф. Ольденбурга о том, что при выборах произошла «неувязка». «По существу здесь лежит прямая политическая демонстрация, направленная по адресу всей нашей общественности», — говорил он [12, л. 27]. Хотя тон выступления Г. М. Кржижановского был критическим, он поддержал ходатайство Академии наук. (В последующие годы Г. М. Кржижановский, будучи вице-президентом АН СССР, многое сделал для укрепления высшего научного учреждения страны.)

В выступлении А. В. Луначарского содержались мысли, во многом созвучные суждениям, заключенным в его статье «„Неувязка“ в Академии наук». В духе того времени Луначарский делил ученых Академии наук на «передовых», «безразличную среду» и «правую группу». «В Академии наук имеется значительная группа академиков, руководимая уважаемыми и очень передовыми людьми, которая сделала все возможное, чтобы эту весьма консервативную корпорацию привести в согласование с нашей советской действительностью», — указывал он [12, л. 28]. И «безразличную среду», и «правую группу» Луначарский характеризовал как «отсталую часть Академии». В акте забаллотирования трех кандидатов он видел своего рода «половинчатую демонстрацию правых элементов» [там же]. Хотя Луначарский утверждал, что он не рассматривает «большие потрясения» в жизни академики как особенно желательные, тем не менее предлагал принять «меры к внутренней чистке Академии наук» [12, л. 30].

Резко критическим было выступление Д. Б. Рязанова. В этом выступлении развивались мысли, изложенные им в упомянутом выше письме С. Ф. Ольденбургу от 15 января 1929 г. Несмотря на острую критику в адрес Академии наук, Рязанов поддержал ее ходатайство.

Академики А. Ф. Иоффе и С. Ф. Платонов в своих выступлениях обосновывали ходатайство Академии наук, не соглашаясь с несправедливыми упреками в ее адрес.

Выступивший после академиков В. В. Куйбышев выразил свое несогласие с данной им оценкой выборов. «Мне представляется, что ак. Иоффе — великий мастер своего дела и великий ученый в своей области — проявил величайшую наивность в своем выступлении, когда полагал, что в голосовании, произведенном академиками, не было никакой политики», — говорил он [12, л. 36]. В. В. Куйбышев усматривал в неизбрании трех кандидатов «политическую демонстрацию» со стороны Академии наук. «Мне кажется, — отмечал он далее, — что СНК должен констатировать, что надежды на Академию в целом, на превращение [ее] в научный центр преобразования нашей страны потерпели фиаско. Это крайне печально, но об этом приходится говорить» [12, л. 37—

38]. Конечно, такое утверждение было ошибочным. Подчеркнув, что и среди академиков имелись люди, которые порвали с прошлым, поняли «прочность победы пролетариата», В. В. Куйбышев так сформулировал свое отношение к академии: «Но, по-видимому, здесь придется нести с собой не мир, а меч» [12, л. 38]. Он возражал против удовлетворения ходатайства Академии наук.

При оценке позиции В. В. Куйбышева, выраженной в приведенных выше высказываниях, нельзя не отметить его большие заслуги в становлении и развитии организации науки в СССР, особенно в области промышленности. Занимая посты председателя ВСНХ СССР, председателя Госплана СССР, заместителя председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона СССР, В. В. Куйбышев весьма способствовал росту сети научных учреждений, укреплению материальной базы исследований, оказывал помощь многим ученым. Деятели науки высоко оценивали его роль в организации исследований. Что касается позиции В. В. Куйбышева, которой он придерживался на заседании Совнаркома СССР, то не исключена возможность, что она сформировалась под жестким давлением сверху.

После выступления В. В. Куйбышева слово было предоставлено академиком Н. Я. Марру и А. Н. Крылову, которые говорили о необходимости удовлетворения ходатайства Академии наук.

«Я взял слово лишь [тогда], когда услышал здесь призывы к мечу и огню, ибо я привык в таких случаях говорить о мире, о мирной политике» — так начал свое выступление М. М. Литвинов [там же]. Он говорил о внимании советской власти к ученым, напомнил о всенародном праздновании в 1925 г. 200-летия Академии наук. «Я не думаю, что надо прибегать к мечу и прочим страшным средствам, — заключил свое выступление М. М. Литвинов. — Перед нами имеется предложение Академии и ее Президиума, который знает Академию и который учитывает, вероятно, что осуществление его предложения действительно загладит случившееся. Мы должны предоставить Президиуму Академии и Академии в целом возможность это проделать» [12, л. 39].

После выступления М. М. Литвинова А. И. Рыков предоставил слово С. Ф. Ольденбургу, который, полемизируя с В. В. Куйбышевым, А. В. Луначарским и Д. Б. Рязановым, кратко охарактеризовал работу АН СССР. В частности, он сказал: «Мне бы хотелось напомнить Анатолию Васильевичу, который ни словом не обмолвился о той большой работе, которую мы сделали с ним в первые годы революции, что он знает, как в 1918 г., 1919 г., 1920 г. мы работали с НКПросом, и он не может не сказать, что НКПрос работал дружно с нами и мы ему оказывали всемерное содействие. (Луначарский: «Правильно“.) Я позволю себе напомнить, что тот, кого нет среди нас, Владимир Ильич, знал о нашей работе и ценил ее» [12, л. 39].

Ольденбург критически отнесся к суждениям Рязанова, противопоставлявшего Академию наук как форму организации исследований ассоциациям институтов.

В своем выступлении Ольденбург не отрицал недостатки в работе АН СССР. «Вы видите наши ошибки, — говорил он. — Их очень много, но не ошибается тот, кто ничего не делает, и когда вы будете принимать решение, вы должны вспомнить об этих 11 годах работы. Это тяжелая, трудная работа, но это работа на советское строительство» [там же].

В конце заседания выступил А. И. Рыков. «Зря ли Академия наук жила и работала до сих пор? — говорил он. — Ясное дело, что не зря. Главное ее значение тут я вижу в том, что до некоторой степени [она являлась] одним из организующих центров для того, чтобы старые ученые работали с советской властью» [12, л. 41]. Развивая эту мысль, А. И. Рыков подчеркнул, что Академия наук «сделала порядочно», но «все же недостаточно» [там же]. Свое отношение к ходатайству Академии наук он выразил так: «Я лично сторонник того, чтобы удовлетворить это ходатайство» [12, л. 40].

Подводя итоги дискуссии о перспективах развития АН СССР, председатель Совнаркома СССР сказал: «Что касается дискуссии о том, как должна ра-

ботать Академия в новых условиях, то едва ли правительство будет это решать» [12, л. 42]. Приведенное высказывание главы Советского правительства имело принципиальное значение, поскольку оно означало доверие к ученым Академии наук, признание их неотъемлемого права самим решать академические дела.

Вопрос о том, удовлетворить или отклонить ходатайство Академии наук, Совнарком СССР решил путем голосования. Большинство голосов (девять «за», один «против» и два «воздержались») ходатайство АН СССР было удовлетворено [там же]. В решении Совнаркома СССР говорилось: «Принять предложение Академии наук СССР, а именно: разрешить Общему собранию в новом составе Академии, не повторяя всей процедуры выборов, подвергнуть новому голосованию те кандидатуры, которые не получили квалифицированного большинства в предыдущих выборах» [20, с. 192]. 6 февраля 1929 г. в «Правде» была опубликована информация о решении Совнаркома СССР.

В соответствии с решением Совнаркома СССР 13 февраля 1929 г. на заседании Общего собрания проводилось «вторичное баллотирование» в академики А. М. Деборина, Н. М. Лукина и В. М. Фриче. Как видно из протокола Общего собрания, в голосовании участвовали 54 академика. За избрание А. М. Деборина проголосовали 52 академика, против — два. В пользу избрания Н. М. Лукина высказались также 52 академика, один голосовал против и один воздержался от голосования. В. М. Фриче «соединил в свою пользу» 51 голос, против него голосовали два академика и один воздержался от голосования. Таким образом, все три кандидата стали академиками [10, л. 10]. Так завершилась «неувязка» в выборах.

В январе — феврале 1929 г. состоялись также выборы новых почетных членов и членов-корреспондентов АН СССР. 31 января 1929 г. Общее собрание избрало 10 новых почетных членов, 13 февраля 1929 г. — пять. 31 января 1929 г. на заседании Общего собрания были избраны 54 новых члена-корреспондента, в том числе 36 советских и 18 зарубежных ученых [10, л. 6—8, 10].

Со времени проведения выборов в Академию наук в январе 1929 г. прошло свыше 60 лет. В наши дни особенно отчетливо видно, насколько правы были те ученые и организаторы науки, которые выступали против оценки результатов выборов как политической демонстрации со стороны академиков. События, сопутствовавшие «неувязке» в Академии наук, стали возможными в результате вмешательства порожденной культом личности Сталина командно-административной системы в жизнь высшего научного учреждения СССР.

Список литературы

1. Правда. 1928. 19 апр.
2. Уставы Академии наук СССР. 1724—1974. 2-е изд. М., 1975. С. 121—123.
3. Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее — ЛО ААН). Ф. 2. Оп. 1—1928. Д. 89. Л. 14—16, 102—103.
4. Правда. 1928. 8 июля; ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 1—1928. Д. 89. Л. 120—121.
5. Вернадский В. И. Записка о выборе члена Академии по отделу философских наук // Коммунист. 1988. № 18.
6. ЛО ААН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 491. Л. 21.
7. ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 1—1928. Д. 89.
8. ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 1—1929. Д. 128.
9. Известия. 1929. 15 янв.
10. ЛО ААН. Ф. 1. Оп. 1—1929. Д. 251.
11. Известия. 1929. 25 янв.
12. ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 1—1929. Д. 75.
13. Подволоцкий И. Наука и политика // Правда. 1929. 1 февр.
14. Правда. 1929. 25 янв.
15. Известия. 1929. 5 февр.
16. Луначарский А. В. К 200-летию Всесоюзной Академии наук // Новый мир. 1925. № 10.
17. Луначарский А. В. Академия наук и советская власть: (К двухсотлетию Академии) // Рабочая газета. 1925. 14 авг.
18. Беседа с тов. А. В. Луначарским // Киевский пролетарий. 1928. 26 июля.

19. Известия. 1929. 3 февр.
20. Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки. М., 1971.
21. Известия. 1929. 10 февр.
22. ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 163.
23. Известия. 1929. 1 февр.
24. Известия. 1929. 30 янв.
25. Известия. 1929. 2 февр.
26. Ленинградская правда. 1929. 26 янв.
27. Известия. 1929. 27 янв.
28. ЛО ААН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 157. Л. 29.

Проблемы гуманизации научно-технического прогресса

Л. ТОНДЛ (ЧСФР)

УЧАСТИЕ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ И ОЦЕНКА ТЕХНИКИ.

(К современной дискуссии о демократизации
инвестиционной политики)

В новых социально-экономических и технических условиях, сложившихся в конце XX в., многие старые термины и принципы не только снова становятся актуальными, но и приобретают новые значения и следствия. В то же время они освобождаются от некоторых прежних односторонних толкований, связанных только с идеологическими установками. Усиливается понимание их глобальных, общечеловеческих и гуманитарных аспектов. К числу таких терминов относятся, в частности, термины «демократия» и «демократизация». Мы сосредоточим внимание на проблемах демократизации процесса принятия решений в области техники, связанного с оценкой планируемых изменений и новых тенденций в технике, планированием и проектированием технических инноваций и программами капиталовложений. Соответствующие программы **«демократизации, гуманизации и экологизации» современного инженерно-технического мышления** (эти слова были подчеркнуты в заявлении Рабочего совещания специалистов социалистических стран, состоявшегося в Болгарии в апреле 1988 г.) можно охарактеризовать как усилия, направленные на «демократическую модель системной оценки технологии» (это было подчеркнуто ведущими специалистами из Союза немецких инженеров, ФРГ), как гуманитарное проектирование (термин, предложенный профессором В. Гаспарски) или «проектирование с участием» (Д. Варзоновцев, Болгария), как «синтез технического развития и демократии» (профессор Ж.-Ж. Саломон, Франция), как «новая инженерная культура» (В. Сидоренко, СССР). Эти тенденции также связаны с целевой ориентацией системной оценки технических инноваций и программ капиталовложений аналогичной системной оценке технологий, предлагаемой автором. Простые, эмоционально окрашенные лозунги, декларирующие изменения научно-технического развития, часто вводят в заблуждение плохо информированную общественность, порождая ничего не стоящие иллюзии, скрывают увеличивающееся отставание в научно-техническом развитии, потенциальный риск и опасности. В качестве примера можно привести утверждения о преимуществах научно-технической революции, восторги по поводу научно-технического прогресса, когда приводятся только доводы «за» и игнорируются доводы «против». Подобное ликование по поводу социально-экономических изменений можно назвать «культом подъема», в основе которого требования «расширить», «усилить», «прибавить», «увеличить», т. е. расширить имеющиеся средства и ресурсы на основе существующих или даже старых схем и моделей. Справедливость требует, чтобы мы помнили и о том, что противоположные лозунги, отражающие абсолютный скептицизм по отношению к любому изменению в нау-

© Л. Тондл

Материалы «круглого стола» «Философия техники: история и перспективы развития» (см. ВИЕТ. 1990. № 2).
О к о н ч а н и е